

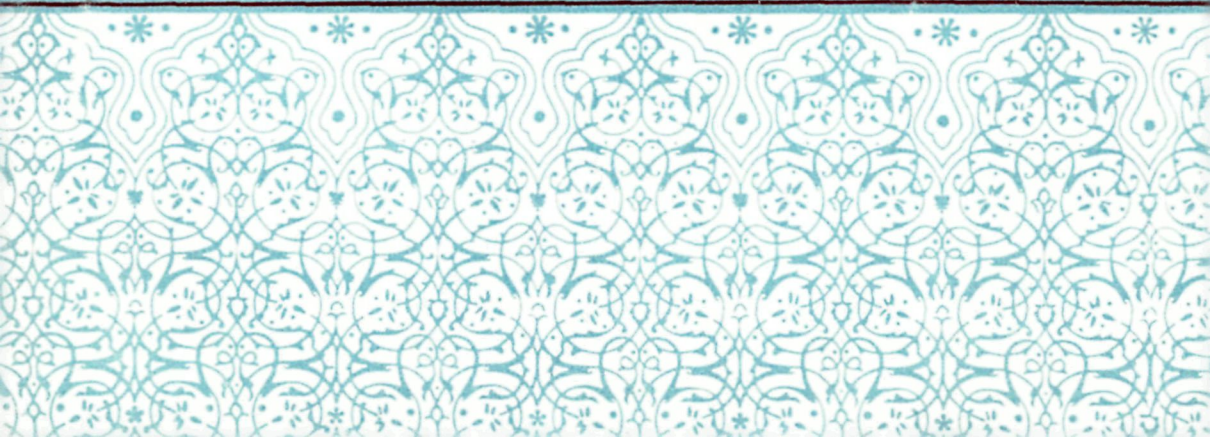
ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

1980

10

М. К. НУРМУХАМЕДОВ

ОБ ОДНОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ТЕОРИИ «БУХАРСКОЙ НАЦИИ»*

Десять лет назад отмечалось 50-летие Бухарской народной революции и образования Бухарской Народной Советской Республики. С тех пор усилиями ученых Советского Союза (прежде всего Москвы, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении) еще более пополнилась богатая научная литература, с марксистско-ленинских позиций освещающая опыт появления и развития народно-демократического строя в Бухаре.

История Бухарской Народной Советской Республики нередко становится объектом внимания и зарубежных «советологов», специализирующихся по истории народов Средней Азии.

Одна из их тем — национальный вопрос в БНСР. Выбор темы не случаен: буржуазные идеологи любят спекулировать на национальных проблемах.

В 1971—1972 гг. в США были проведены семинары и конференция, посвященные национальному вопросу в Советской Средней Азии. Материалы этих встреч были опубликованы в 1973 г. в виде коллективной монографии под названием «Национальный вопрос в Советской Средней Азии»¹.

В этой публикации несколько докладов посвящены национальному вопросу в Бухарской Народной Советской Республике. Это: «Этнические группы Бухарского государства около 1920 года и национальный вопрос» Яна М. Мэтли, «Фарси», «Ватан» и «Миллат» в Бухаре» Уильяма Л. Хэнзуэй младшего, «Существование бухарской национальности в недавнем прошлом» Тимура Кожа оглы, «Национальное самосознание и политика Бухарской Народной Советской Республики» Сеймура Бэккера.

Все они в той или иной мере пытаются ответить на вопрос, существовали ли бухарская нация и национальное самосознание у населения Бухары.

Уильям Л. Хэнзуэй младший считает, например, что среднеазиатские интеллигенты до 1924 г. называли себя «бухарцами», «бухарскими мусульманами»².

Этот автор из-за отсутствия языкового и этнического единства населения Бухары как бы не делает упор на существование национально-

* Статья написана на основе доклада, прочитанного на Научно-теоретической конференции, посвященной 60-летию Бухарской народной революции (г. Бухара, 2 сентября 1980 г.).

¹ The Nationality Question in Soviet Central Asia. Ed by E. Allworth New York, «Praeger», 1973.

² Указ. книга, с. 143—150.

го самосознания, но подчеркивает, что как оседлые, так и кочевые племена создали в Бухаре наднациональную городскую культуру с общей религией и одним правителем.

Итак, этот автор называет население Бухары (точнее — часть его — интеллигентов) «бухарцами», «бухарскими мусульманами», выдвигая на первый план их территориальную и религиозную общность, а их культуру называет наднациональной.

Разберем его доводы.

Во-первых, религиозная принадлежность никогда не была определяющим признаком нации. Не относят же, например, к одной нации католика-испанца и католика-филиппинца.

Во-вторых, одна только территориальная общность (без других признаков) не определяет всю нацию. Это также хорошо известно.

И в-третьих, почему только интеллигенты выставлены носителем национальных черт? А где трудовой народ, другие слои населения? Нация — это весь народ, а не часть его, какой бы она ни была.

Другой автор, Тимур Кожа оглы, говоря о национальном вопросе в БНСР (1920—1924 гг.), утверждает, что «до 1925 года в Бухарском государстве существовала единая бухарская национальность и нация восточного типа»³.

Его доводы — было национальное самосознание бухарского народа («бухаралик»), несмотря на различные национальные и этнические группы, функционирование двух языков («тюрки» и «фарси») и т. п.

Но эти доводы не аргументированы, а потому не идут дальше голословных деклараций.

Тимур Кожа оглы в подтверждение своей теории «бухарской нации» в качестве главного довода ссылается на то, что некоторые выходцы из Бухары, в частности Фитрат, считали себя «бухарцами» и подписывались словом «бухарец».

Прежде всего о слове «бухарец» («бухаралик»).

Во все времена оно указывало на то, откуда родом человек. И если даже это слово-понятие поднять до уровня территориального признака нации, одно оно еще не может свидетельствовать о существовании нации.

Мы и сейчас говорим «бухаралик», «тошкентлик», «фарганалик», но разве это означает, что есть бухарская, ташкентская, ферганская нации? Нет. Есть единая сложившаяся узбекская социалистическая нация.

Что касается подписи Фитрата «бухарец», то надо сказать, что даже в недавние довоенные годы многие интеллигенты Средней Азии по традиции подписывались наименованием той местности, где они родились. Например, ныне здравствующий узбекский поэт Чуст — уроженец г. Чуста.

По теории Тимура Кожа оглы получается, что если есть, например, Беруни, значит есть берунийская нация, если Фараби — фарабийская нация, если Чуст — чустская нация и т. д.

Тимур Кожа оглы пишет, что к бухарской национальности причисляют себя эмигранты — выходцы из Бухары. Ну и что из этого? Зарубежные эмигранты, выкинутые за борт жизни Октябрьской социалистической, Бухарской народной революциями, советским строем, — слишком сомнительный довод для утверждения о наличии «бухарской нации»; эмигрантам ничего не остается, кроме слова «бухаралик»: не могут же они называть себя советскими узбеками или советскими таджиками.

³ Указ. книга, с. 158.

жиками; по разным причинам они, должно быть, не называют себя турками, немцами или американцами. Вот они и говорят, что когда-то они или их родители вышли из Бухары. В этом нет ничего нового — вспомним «белый Париж», судьбу белой эмиграции.

Когда же Тимур Кожа оглы заявляет, что бухарцы не отождествляли свою нацию с каким-нибудь одним языком («тюрки» или «фарси»), то надо видеть в этом не научный довод, а лишь мнение данного автора, говорящего, кстати, на смешанном узбекско-турецком языке.

Как видно, приемы определения нации у зарубежного автора слишком неубедительны; они очень далеки от подлинно научного, марксистско-ленинского принципа определения нации.

А многонациональность населения Бухары, отсутствие единого языка и другие доводы автора, наоборот, свидетельствуют не в пользу существования единой «бухарской нации», а в пользу необходимости национально-территориального размежевания народов Средней Азии, что и было осуществлено в 1924 г.

Возникает вопрос: почему, во имя чего выдумана эта зыбкая теория «бухарской нации»? Ответ можно получить, прочитав конец статьи, где Тимур Кожа оглы пишет, что «советская русская политика» разделила Бухару на узбеков, таджиков, туркмен (по этнически-лингвистическому принципу), ибо, как он говорит, «бухарская национальность представляла угрозу для советской русской национальной политики».

Вот, оказывается, что. Вот, где, как говорится, собака зарыта.

Обретение национальной государственности народами Средней Азии, возникновение новых, равноправных социалистических наций, бурное развитие экономики, национального языка, культуры, короче, все то, что принес советский строй ранее угнетенным народам Средней Азии, не идет ни в какое сравнение с тем, что было до того.

Но как раз об этом зарубежный автор молчит.

Почему? Потому, что ему явно не по душе история Бухары после 1924 г. А это его чувство замаскировано под «защиту» народно-демократического (не эмирского!!!) периода истории Бухары.

В сентябре 1979 г. на Международном Тюркологическом конгрессе в Стамбуле мне пришлось беседовать с Тимуром Кожа оглы, преуспевающим зарубежным специалистом, учеником известного американского профессора Эдварда Олуорса. Я вспомнил его статью, с которой был знаком за 3—4 года до этой встречи.

На мое замечание, что «землячество», «местничество» никогда не означало нацию, он несколько уклончиво ответил, что под «бухарской нацией» он подразумевал «бухарцев» («бухаралик»), что несколько не укрепляет его теорию «бухарской нации».

О заключительной части этой статьи мы даже не говорили: там слишком ясен антисоветский выпад; здесь нечего было дискутировать: мы были по разные стороны баррикады.

Теория «бухарской нации» вызывает сомнение даже у самих буржуазных ученых.

Так, обращает на себя внимание замечание помощника профессора истории в университете Уэйк-Фореста Лоуэла Тиллета по поводу суждений своих коллег. Кое в чем поддерживая их, он вместе с тем замечает, что они (особенно Уильям Л. Хэнзуэй) рассматривают бухарское национальное самосознание только на примере интеллигенции, которая составляла небольшую часть всего населения Бухары⁴.

⁴ Указ. книга. Приложение, с. 191.

Исходя из этого, Лоуэл Тиллет сомневается: можно ли формирование нации связывать только с формированием немногочисленной интеллигенции.

Что же, резонное замечание. У вышеназванных авторов народ остался в стороне. Нация же рождается из народа, а не из части его.

Авторы теории «бухарской нации» строят свои суждения на отдельных второстепенных явлениях общественной жизни, подгоняя их под свои антисоветские концепции.

Даже Сеймур Бэккер, часто жонглирующий антисоветскими выпадами, вынужден в одном месте своей статьи признать, что «туркестанское национальное самосознание никогда не распространялось дальше тонкого слоя модернистски настроенной интеллигенции»⁵.

Итак, заключим. Бухарской нации не было. Как результат ленинской национальной политики партии большевиков зародились и сформировались свободные и равноправные новые, социалистические нации узбеков, таджиков, туркмен и других народов, населявших территорию Средней Азии, в том числе Бухарской Народной Советской Республики.

Теория «бухарской нации» не выдерживает научной критики и абсолютно неприемлема как носитель антисоветской идеи, как концепция, направленная против национально-территориального размежевания народов Средней Азии в 1924 г.

Иногда думается: а стоит ли обращать внимание на сомнительные и идейно нечистоплотные писания буржуазных советологов, не лучше ли махнуть на них рукой и делу конец.

Но, подумав, приходишь к мысли: надо читать их работы; и не просто читать, но и вскрывать и аргументированно разоблачать антисоветскую сущность их трудов.

В свое время (1962 г.) акад. Б. Н. Пономарев призывал историков глубже изучать историю Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик, подчеркивая международное значение их опыта⁶.

И советским ученым надо рассказывать не только о международном значении опыта Хорезмской и Бухарской Народных Советских Республик, но и давать достойный отпор тем, кто извращенно истолковывает этот опыт в своих антисоветских, идейно враждебных нам целях.

М. К. Нурмухамедов

«БУХОРО МИЛЛАТИ» ҲАҚИДАГИ БИР ЧЕТ ЭЛ НАЗАРИЯСИГА ДОИР

Мақолада буржуа «советолог»ларининг Ўрта Осиё республикаларининг миллий-территориал чегараланишига қандайдир «бухоро миллати» бўлганлиги ҳақидаги уйдирмалари мутлақо асоссизлиги ишонарли далиллар орқали исботлаб берилган.

⁵ Там же, с. 167.

⁶ Пономарев Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. М., 1962, с. 26.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

*Страницы истории***Е. А. ПРИЛУЦКИЙ****НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ТУРКЕСТАНЕ**

Развитие советского общества на современном этапе усилило стремление к укреплению государственного суверенитета союзных республик, расширению прав национальных автономий. Это и определяет главное направление демократизации принципов советской федерации. В этой связи представляется полезным рассмотреть некоторые проблемы становления советской национальной государственности в Туркестане в период Октябрьской революции и гражданской войны.

Февральская буржуазно-демократическая революция, опрокинувшая царский режим, образовавшееся в стране двоевластие, при котором наряду с буржуазным Временным правительством действовали органы революционной диктатуры — Советы, создали возможности для демократического развития многонациональной России. В Туркестане революция также активизировала деятельность различных политических сил. Общероссийские процессы находили здесь своеобразное преломление, появлялись национально-особенные структуры — Советы мусульманских рабочих депутатов, союзы трудящихся мусульман («Иттифаки»), политические организации национальной буржуазии, феодально-клерикальных слоев, интеллигенции. Мы разделяем мысль о существовании в национальных районах как бы третьего центра власти — национальных организаций¹. Социально дифференцированные, они в целом представляли самостоятельное направление общественного движения окраин, имевшее, помимо общих с российской демократией, и национально-специфические цели.

Доминантой настроений всех социальных слоев Туркестана было стремление к ликвидации колониального статуса края. Представители национально-освободительного движения добивались территориальной и национальной автономии Туркестанского края, отмечали (как, например, состоявшийся в июле 1917 г. I съезд «Союзов трудящихся мусульман» Ферганской области) необходимость введения в России «федеративной республики, построенной на демократических началах», с предоставлением Туркестану культурного и политического самоопределения в составе федерации². Февральская революция, однако, фактически не изменила имперского характера российского государства, сохранив национальное неравенство населявших его народов; Временное правительство не было в состоянии предоставить нерусским народам национальную самостоятельность в рамках буржуазной автономии.

В результате победы Октябрьского вооруженного восстания в Пет-

¹ Булдаков В. П. У истоков советской истории: путь к Октябрю // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 73.

² Хроника событий Октябрьской революции в Узбекистане. Т. I. Ташкент, 1962. С. 130.

рограде в стране установилась диктатура пролетариата в форме Советской власти. В первые же дни революции Советское правительство гарантировало «всей мощью Советов» право мусульманских трудящихся свободно устраивать свою национальную жизнь. На практике это право могло быть реализовано лишь при достаточном гибком понимании соотношения классовых и национальных моментов, адекватно отражающем исторические, социально-экономические и культурные особенности национальных районов.

Состоявшийся в ноябре 1917 г. в Ташкенте III краевой съезд Советов во многом определил дальнейший ход событий в Туркестане. Не умаляя значения съезда, заложившего организационные основы Советской власти в крае, надо в то же время отметить, что его решения не были последовательно демократичными и объективно сужали социальную базу новой власти. Съезд, как известно, отверг предложение о буржуазной автономии, но и вопроса о советской автономии не поставил. И самое главное — съезд не выразил четко своей антиколониальной позиции. Отсутствие представителей коренного населения в краевом Совнаркоме, недооценка национальных революционно-демократических организаций трудящихся, берущая начало в убежденности многих туркестанских большевиков в том, что единственной опорой Советов в крае является пока что русский рабочий класс, представляли реальную опасность консервации отчуждения трудящихся местных национальностей от власти и государства.

Провозгласив 2 декабря 1917 г. автономию Туркестанского края и образовав в г. Коканде свое правительство, буржуазия и партии, противостоявшие Советам, перехватили на время инициативу в решении вопроса о самостоятельности Туркестана. На короткий срок здесь вновь сложилось своеобразное, хотя, может быть, и недостаточно ярко выраженное, двоевластие. Вплотную подойдя к буржуазной представительной демократии³, правительство «Кокандской автономии» преследовало цель создания буржуазно-помещичьего национального государства, регламентирующего свою жизнь по законам шарпата. Однако «Кокандская автономия» не получила поддержки самого многочисленного социального слоя — дехканства⁴, и это, в конечном счете, предопределило ее падение.

Вместе с тем «Кокандская автономия» по своему замыслу была все же прогрессивной подвижкой в общественно-политическом развитии коренных народов края по сравнению с колониально-феодалным Туркестаном. Но особенность исторического момента заключалась в том, что Октябрьская революция создала возможность образования государства совершенно нового типа — государства рабочих и крестьян — Республики Советов — не только в Центральной России, но и здесь, на бывшей колониальной окраине. Советская республика, сочетавшая «прямую» и представительную демократию, могла обеспечить ускоренный социально-экономический и культурный прогресс региона в интересах трудящихся.

В конце 1917 — начале 1918 г. в Туркестане были ликвидированы буржуазные органы власти на местах. Начался очень важный процесс упрочения советской государственности — образование Советов в сельских районах. Но главным в политической жизни края оставался вопрос об автономии Туркестана. Огромную роль в его решении сыграли

³ Кокандское правительство активно участвовало в выборах в Учредительное собрание. Согласно проекту положения о выборах в Туркестанское учредительное собрание, избиратели Туркестана образовывали две курии — мусульманскую и немусульманскую. Само учредительное собрание Туркестана должно было состоять из 234 членов, 2/3 которых представляли мусульман и 1/3 — немусульман. (Известия временного правительства автономного Туркестана. 1917. 31 дек.).

⁴ Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931. С. 39—40.

помощь Наркомнаца РСФСР, положение Комиссарната от 22 марта 1918 г. о Татаро-Башкирской Советской республике, основанное на принципах советской автономии, а также обращение к «Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбургa, Совнаркому Туркестанского края и другим об очередной задаче Советской власти», в котором указывалось на необходимость создания автономии этих национальных территорий на базе местных Советов как единственного пути, обеспечивающего власть не верхам нации, а ее низам⁵.

30 апреля 1918 г. V съезд Советов принял предложенное большевиками «Положение о Туркестанской Советской Республике», объявлявшее Туркестан Советской Республикой Российской Советской Федерации (ТАССР), управляющейся автономно и координирующей свои действия с правительством РСФСР⁶.

Провозглашение ТАССР было лишь первым шагом. Из положения де-юре автономии Туркестана предстояло привести в положение де-факто. Несмотря на гражданскую войну и иностранную военную интервенцию в республике продолжалось советское строительство. Декретом ТуркЦИК 20 августа 1918 г. тюркские языки (узбекский, казахский, туркменский и др.) были объявлены государственными наравне с русским как в области законодательства, так и в делопроизводстве⁷.

Однако наметившийся сразу после Октябрьской революции узкоклассовый подход краевого правительства к вопросам национальной политики оставался доминирующим и после образования автономной республики. Отдельные Советы рабочих и солдатских депутатов устанавливали неравноправные отношения с Советами мусульманских рабочих депутатов. Например, Ташкентский новгородской исполком на своем заседании 17 мая 1928 г. указал старогородскому Совету, что реквизиции помещений в старой части города должны производиться с его согласия⁸.

Слишком поспешное принятие ТуркЦИКом в сентябре 1918 г. декрета о переименовании мусульманских Советов в районные Советы рабочих, солдатских и дехканских депутатов искусственно затормозило развитие успешно функционирующей революционно-демократической формы советской национальной государственности, рожденной творчеством самих масс. Последующее использование принципов организации мусульманских Советов при создании национальных ревкомов свидетельствует о том, что они далеко не изжили себя в то время. Ликвидация VIII краевым съездом Советов (сентябрь 1919 г.) другой уникальной формы советской системы в Туркестане — Наркомнаца, в задачи которого входили изучение численного состава и экономического положения национальностей, населяющих республику, организация трудовых масс каждой национальности в профессиональные и политические союзы и т. д.⁹, — привела к дальнейшему усилению унифицирующих тенденций и игнорирования национальной специфики края.

III съезд Коммунистической партии Туркестана, рассмотрев в июне 1919 г. вопрос о советском строительстве, констатировал «особую замкнутость части наших советских учреждений от широких рабоче-крестьянских масс...»¹⁰ Местнические настроения, дошедшие до откровенного сепаратизма в Семиреченской области, проявлялись и в от-

⁵ Уразаев Ш. З. Туркестанская АССР и ее государственно-правовые особенности. Ташкент, 1958. С. 76.

⁶ Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сб. док. Т. 2. Ташкент, 1972. С. 251.

⁷ Советский Туркестан. 1918. 27 авг.

⁸ Ташгоргосархив, ф. 10, оп. 1, д. 44, л. 135.

⁹ Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 2. С. 421.

¹⁰ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент, 1988. С. 47.

ношениях с федеративным центром. Отдельные руководители высказывались в пользу создания таможенной между Туркестаном и Россией, предоставления республике права своего представительства в зарубежных странах¹¹, что нашло отражение в Конституции ТАССР 1918 г., допускавшей превышение ряда самостоятельных прав автономного образования отчасти в силу изолированного положения республики, окруженной кольцом фронтов. По нашему мнению, стремление к максимальной государственной независимости Туркестана в тот период объективно не отвечало интересам трудящихся масс, так как укрепление самостоятельности края на принципах советской автономии могло происходить только при самых тесных и всесторонних связях с Советской Россией. Местнические тенденции в низовых звеньях, а также возрождающийся бюрократизм, отрицательно влиявший на демократический характер управленческих функций советских органов, привели к несогласованности в действиях различных уровней исполнительной власти. Оторванность многих Советов, особенно уездно-городского уровня, засоренных шовинистически настроенным чиновничеством, от трудящихся коренных национальностей в совокупности с бюрократизмом ослабляла связи государства с массами¹².

Новая ситуация возникла в крае после приезда в ноябре 1919 г. Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. До соединения Туркестана с центром страны, происшедшего в сентябре 1919 г. в результате разгрома войск Колчака и Дутова, ЦК РКП(б) и Советское правительство не имели ясного представления о политической обстановке в республике. Проанализировав взаимоотношения классов, социальных и национальных групп, Турккомиссия пришла к заключению о том, что Советская власть здесь может создаваться только на основе помощи всего русского пролетариата¹³. Тем самым усложнялась система взаимоотношений федеративного центра и автономного государственного образования — ТАССР, между ними появлялись новые организационные связи, которые нуждались в правовом обосновании. При всем положительном значении деятельности Турккомиссии, являвшейся своеобразной формой помощи Советской России Туркестану, отсутствие ее четко разработанного статуса привело первоначально к подчинению ей ТуркЦИКа и других республиканских учреждений¹⁴, а следовательно, и определенному ущемлению самостоятельных прав автономной республики.

В этот период Т. Рыскуловым выдвигается идея «Тюркской республики РСФСР», призванной отстаивать исторические, экономические и бытовые интересы тюркских народностей края, стать объединительным центром всех тюрков, в том числе проживающих за пределами РСФСР¹⁵. Не пытаясь дать однозначную оценку проекту «Тюркской республики», мы все же считаем важным отметить, что его появление свидетельствовало об отходе от классовых позиций в национально-государственном строительстве. Этому способствовало то, что в Туркестане еще не были решены задачи борьбы против феодализма и при малочисленности национального рабочего класса выразителем интересов общества стремилась выступать национальная буржуазия, а слабое классовое расслоение местного населения находило наряду с названным фактором отражение в виде соответствующих политических теорий

¹¹ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 99, л. 83.

¹² См.: Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: Сб. док. Т. I. М., 1959. С. 380—381.

¹³ Доклад председателя СНК ТАССР И. Е. Любимова IX съезду Советов Туркестана. ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, л. 20.

¹⁴ Там же, л. 21.

¹⁵ Известия ТуркЦИК. 1920. 5 февр.

и взглядов некоторых партийных и советских работников. Побудительную же роль, на наш взгляд, сыграл практикуемый руководством республики узкоклассовый подход, при котором, в частности, организационные принципы советской государственности сводились лишь к строго классовым началам. К примеру, решение административной секции VIII съезда Советов Туркестана об упразднении Наркомнаца мотивировалось тем, что «при интернационалистских лозунгах Советской власти не может быть речи об отдельных учреждениях, ставящих себе целью защиту отдельных народностей...»¹⁶

VIII съезд РКП(б) (март 1919 г.), принимая во внимание рост революционного движения пролетариата в капиталистических странах и популярность советской формы этого движения, сформулировал в Программе партии положение о начавшейся всемирной социальной революции¹⁷. В. И. Ленин был убежден, что самостоятельное участие народов Востока в антиимпериалистической борьбе будет активным фактором мирового общественно-политического развития. Опираясь на опыт советского народовластия, он видел в Советах одно из средств, способных обеспечить с помощью пролетариата передовых стран переход колониальных и зависимых стран к советскому строю. В качестве формы союза национально-освободительных движений с Советской Россией и переходной формы к полному единству трудящихся разных наций выдвигалась советская федерация. Впоследствии, трансформируя взгляды на социализм и его перспективы, В. И. Ленин считал, что дальнейшие революции в странах Востока, отличающихся от европейских государств разнообразием социальных условий, будут преподносить больше своеобразия, чем революция в России. Соответственно, унитарный принцип устройства Советского государства сменился идеей федеративного союза равноправных советских республик при максимальной децентрализации управления¹⁸.

В 1920 г. ЦК РКП(б) были приняты крупные решения, направленные на дальнейшее укрепление национальной государственности Туркестана. В законодательной практике наметилась тенденция к четкому разделению компетенций центра и местной власти, совершенствованию правовых отношений РСФСР и автономной республики. Постановление ЦК РКП(б) «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане» от 29 июня 1920 г. регламентировало взаимоотношения между Турккомиссией и государственными органами Туркеспублики. В основу их легли указания В. И. Ленина в замечаниях на проект Турккомиссии. Комиссия по делам Туркестана должна была «систематически *срабатываться* с ТурСНК и ТурЦИК», вносить спорные вопросы в ЦК РКП(б) и ВЦИК и т. д.¹⁹ В проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в Туркестане он отметил: «...Не давать права Турккомиссии изменять декреты без запроса ТурЦИКа и ТурСНК и запроса центра»²⁰. Вопрос о полномочиях Турккомиссии ставился на IX съезде Советов Туркестана (сентябрь 1920 г.). Предлагалось, чтобы комиссия не вмешивалась в работу комиссариатов ТАССР, не издавала приказов и декретов, а руководство отраслями, подчиненными как местной, так и федеральной властям, осуществлялось совместно. Учитывалось также, что по мере накопления трудящимися ТАССР опыта революционных преобразований необходи-

¹⁶ Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Т. I. С. 390—391.

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 71.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 328—330; Т. 41. С. 164, 244—246; Т. 45. С. 360—362, 381.

¹⁹ Там же. Т. 41. С. 435—436.

²⁰ Там же. С. 153.

мость в Турккомиссии должна отпасть²¹. В апреле 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление об учреждении Временной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. Были уточнены функции вновь образованной комиссии, на нее возлагалась задача — способствовать упрочению федеративных связей Туркестана с РСФСР непосредственным управлением отраслями, составляющими исключительную компетенцию федеральной власти²².

В развитии принципов, заложенных в принятом ЦК РКП(б) «Положении об автономии Туркестана» (март 1920 г.), по которому Туркестан признавался автономной республикой населяющих ее основных народов: туркмен; узбеков и киргизов, — Конституция ТАССР 1920 г. закрепила за ТуркЦИК всю полноту власти в пределах республики, кроме вопросов внешних сношений, внешней торговли и обороны, принадлежащих к исключительной компетенции федеральных органов. Ряд вопросов подлежал совместному решению центра и республиканской власти²³. Эта Конституция в отличие от Конституции ТАССР 1918 г., более полно определяя правовое положение автономного Туркестана в составе РСФСР, делала попытку обосновать суверенные права республики как национального государства, созданного в результате самоопределения²⁴. Федеративные отношения Туркеспублики с РСФСР находились в промежуточной стадии развития от федеративных отношений, основанных на советской автономии, к федеративным отношениям, базировавшимся на договорных началах независимых советских республик²⁵. Процесс правового оформления Туркестанской АССР завершился 11 апреля 1921 г. принятием декрета ВЦИК РСФСР об образовании ТАССР.

В специфических условиях тех лет значительное распространение в Туркестане получили ревкомы. Не выбираемые, а назначаемые партийными, советскими и другими органами, они, помимо прочих вопросов, занимались созданием необходимых условий для организации выборных Советов и их исполкомов. Принцип назначения отвечал задачам и нуждам военного времени и был применен там, где отсутствовали демократические традиции формирования органов власти. Так, Закаспийский облревком, учитывая силу родовых связей среди туркменской бедноты, а также проявлявшиеся у промышленного пролетариата области колонизаторские пережитки, считал целесообразным отказаться на некоторое время от выборного советского аппарата и осуществить следующую схему местной власти: областной, уездные, волостные ревкомы и выборные аульные комитеты; среди кочевого населения — родовые комитеты²⁶. Жизнь показала неприемлемость системы ревкомов, как структуры, рассчитанной на длительный период, ибо она не позволяла демократическим путем привлечь широкие массы коренного населения в советские органы.

В. И. Ленин различал две ступени советской организации — 1) советский тип (еще не Советы), к которому относились крестьянские Советы и 2) рабочие Советы²⁷. Советы трудящихся (Советы эксплуатируемых), будучи разновидностью советского типа или крестьянских Советов, представляли собой переходную, революционно-демократическую форму, близкую по своему социальному содержанию мусульман-

²¹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, л. 31—32.

²² См.: Уразаев Ш. З. Указ. соч. С. 145.

²³ Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Т. I. С. 450—451.

²⁴ Рудницкая Д. М. Из истории строительства Советов в Туркестане. Ташкент, 1964. С. 95.

²⁵ См.: КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 365.

²⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 707, л. 53—54.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 159; Т. 41. С. 245—246.

ским Советам, но имевшую в отличие от них более выраженную классовую направленность. Местным Советам трудящихся, органично сливающимся с самобытными структурами общинной организации, В. И. Ленин предлагал «постепенно, не уклонно... под контролем надежных коммунистов» передать власть в Туркестане²⁸. Рекомендованные ЦК РКП(б) и III Интернационалом для применения в странах с господством патриархально-феодалных отношений Советы трудящихся (применительно к Туркестану — аульные и кишлачные) рассматривались IX съездом Советов Туркестана в качестве организационной основы местной власти, способной проводить политику Советской власти в республике под влиянием беднейшей части дехканства. Наиболее действенным средством углубления классовой дифференциации местного населения оставались комитеты бедноты²⁹.

Таким образом, в 1917—1920 гг. был заложен фундамент суверенной советской национальной государственности народов Туркестана и выработаны конституционные гарантии его автономии, а также найдены организационные формы и структуры власти, отвечающие национальной специфике республики. В целом к концу 1920 г. было преодолено характерное для колониального прошлого края отчуждение местного населения от государственной власти, установлены равноправные отношения с народами России. Вместе с тем в этот период возникли, но не получили развития мусульманские Советы, прервал свою деятельность республиканский Комиссариат по делам национальностей.

Дальнейшее глубокое изучение опыта советского национально-государственного строительства в Туркестане первых послереволюционных лет — как позитивного, так и негативного — имеет актуальное значение в наши дни, в условиях становления правового социалистического многонационального государства.

²⁸ Там же. Т. 41. С. 153.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, л. 61—62; д. 40, л. 53.